

ПОНЯТИЕ ДЕНЕГ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ (по материалам Словаря В. И. Даля)

Охрименко Т. В.

Киевский национальный лингвистический университет

У статті йдеться про найважливіші спільнослов'янські грошові найменування, зафіксовані у "Тлумачному словнику живої великоруської мови" В. І. Даля і відображені в малих жанрах російської народнопоетичної творчості. Розглянуто найдавніші і сучасні номінації "дѣньга", "гроші", "полушка", "пуло", "куна", "монета", "монисто", "копійка", "півкопійки", "рубль", "целковий", "карбованець", "золото", "гривня", "папір", "асигнація", "кредитний білет" у співвіднесенні з економічними поняттями (рахунок, збір, мито, торгівля, товар, капітал, ціна, позика, розтрата, заробляння грошей, безгрошів'я, фальшивомонетник) і загальногуманітарними (нікчемність / цінність, багатство / бідність, мудрість / дурість, своє / чуже, чоловіче / жіноче, божественне / людське). Аналіз цих номінацій за матеріалами російського фольклору дає уявлення не тільки про культурну епоху XIX ст., а й про цілі століття формування грошової народної культури на Русі.

Ключові слова: грошові номінації, монети / паперові гроші, дрібні / великі грошові знаки, прислів'я, приказки.

В статье речь идёт о важнейших общеславянских денежных наименованиях, зафиксированных в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля и отражённых в малых жанрах русского народнопоэтического творчества. Рассматриваются древнейшие и современные номинации "дѣньга", "деньги", "полушка", "пуло", "куна", "монета", "монисто", "копейка", "полкопейки", "рубль", "целковый", "карбованец", "золото", "гривна", "бумага", "ассигнация", "кредитный билет" в соотношении с экономическими понятиями (счёт, сбор, пошлина, торговля, товар, капитал, цена, ссуда, растрата, зарабатывание денег, безденежье, фальшивомонетчик) и общегуманитарными (ничтожность / ценность, богатство / бедность, мудрость / глупость, своё / чужое, мужское / женское, божественное / человеческое). Анализ данных номинаций по материалам русского фольклора даёт представление не только о культурной эпохе XIX в., но и о целых столетиях формирования денежной народной культуры на Руси.

Ключевые слова: денежные номинации, монеты / бумажные деньги, мелкие / крупные денежные знаки, пословицы, поговорки.

The article focuses on the most important cash common Slavic names inscribed in the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" V. I. Dahl and reflected in small genres Russian national poetic creativity. Considered ancient and modern nomination "dēnga", "money", "polushka", "pulo", "coon", "coin", "necklace", "kopeyka", "polkopeyki", "ruble", "tselkovy", "Karbovanets", "gold", "hryvna", "paper", "bank note", "credit card" in correlation with economic concepts (invoice, duty fees, trade, goods, capital, price, loan, embezzlement, making money, lack of money, the counterfeiter) and humanities (insignificance / value, wealth / poverty, wisdom / stupidity, his / alien, masculine / feminine, divine / human). Data analysis based on nominations Russian folklore gives insight not only in the cultural epoch XIX. but also about creating the monetary of folk culture in Rus.

Keywords: cash nomination, coins / paper money, small / large banknotes, proverbs.

Со страниц "Толкового словаря живого великорусского языка" Владимир Иванович Даль предстаёт перед читателем как писатель, этнограф, фольклорист, как человек, побывавший на морской, военной, врачебной и гражданской службе, имеющий "наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам" [6, с. XII]. В. И. Даль был и специалистом в исследовании номинаций денежного обихода. Об этом свидетельствует сам Словарь: среди

толкования двухста тысяч слов и тридцати тысяч пословиц имеется ряд определений понятий денежной культуры, существовавших не только в XIX в., но и ранее, от истоков развития русского языка (*деньга, гривна, монета, копейка, грош, цена* и т. д.). Современные исследователи языка Словаря подтверждают не только наличие, но и системность записанной В. И. Далем экономической терминологии как таковой. "...Несмотря на то, что прошло почти сто пятьдесят лет с первого издания Словаря, многие из этих терминов не просто функционируют, но и частотны (*аванс, акционер, бюджет, пошлина, трансферт, фирма* и т. д.)" [9, с. 196]. Данный факт согласуется с устойчивым определением Словаря В. И. Даля как "самой полной энциклопедии истории, быта, нравов многих прошедших столетий" [7, с. VI], как "лексикографического образца, совместившего в себе лингвистические и энциклопедические начала" [9, с. 202]. Поэтому по "Толковому словарю живого великорусского языка" можно с полным правом судить в том числе и об уровне владения метаязыком товарно-денежного оборота, который характеризует развитие системы русских денежных номинаций в XIX в. и ранее.

Материалы Словаря как культурного памятника периода становления современного русского языка активно исследуются в контексте лингвокультурологии, этнолингвистики, фольклористики в работах Л. М. Адинаевой, О. К. Ансимовой, И. Н. Кайгородовой, В. М. Москалюк, Д. Д. Павловец, Л. А. Петровой, Т. А. Сергуниной, Л. Г. Тригуб, А. А. Яценко, Е. И. Бегловой, Е. Н. Бекасовой, О. Н. Заикиной, Б. Ф. Егорова, Дж. О. Фалоджу и др. [8, с. 159–160]. Однако народнопоэтический язык сферы русских денежных номинаций, зафиксированных в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля, остаётся до сих пор не изученным и требует соответствующего филологического анализа. Как замечал сам автор Словаря, "в числе примеров, пословицы и поговорки, как коренные русские изречения, занимают первое место ... при бедности примеров хорошей русской речи, решено было включить в словарь народного языка все пословицы и поговорки, сколько их можно было добыть и собрать ... тут есть чему поучиться" [6, с. XVIII]. Исследование целого ряда пословиц, поговорок, присказок, загадок, скороговорок и иных "народных речений" русского языка, связанных с денежными номинациями и отмеченных В. И. Далем в Словаре (как-то: *За свой грош везде хорош; При деньгах Панфил всем людям мил; Золото не говорит, да много творит* и пр.), является целью данной работы.

Деньги как совокупное определение средств товарообмена, их всеобщий эквивалент, форма и мера стоимости всех иных товаров, обмениваемая при купле-продаже на любой из них [1, с. 216], в Словаре В. И. Даля самостоятельно не используется, но объясняется как производное от словарной единицы *дѣньга* [2, с. 708–710]. Интересно, что современные энциклопедические источники указывают на "дѣньгу" как русскую серебряную монету XIV–XVII вв. [1, с. 216]. Ко времени написания Словаря она уже вышла из обихода, но благодаря своей длительной употребительности, привычности и широкой распространённости могла послужить источником собирательного названия платёжных средств в русском языке – денег.

В качестве прямого значения лексемы "дѣньга" в Словаре отмечено *полкопейки* или *две полушки*, что свидетельствует о фиксированной иерархии мелких денежных знаков, используемых вплоть до XIX в. О скудной, малой стоимости "дѣньги" и вместе о её бережливости, накопительности и силе влияния (порой разрушающего) говорят пословицы: *Солдату три деньга в день, куда хочешь, туда их и день; Без деньга копейки, а без копейки и рубля нет; Не было ни деньга, да вдруг алтын; Деньга на деньгу набегает; Деньга деньгу достаёт (зовёт, родит, куёт, добывает); Ершей на деньгу, да сдобы на алтын, так и будет уха; Деньга и камень долбит; Москва сгорела от денежной (копеечной) свечи* [2, с. 709–710].

В Словаре В. И. Даля зафиксировано и переносное значение лексемы "дѣньга": деньги вообще, *капитал, богатство, достаток* (*И барину деньга господин; Чей конь, того и деньга*). Интересно, что в одной пословице могут рифмоваться омоформы "деньги" с прямым

и переносным значением – для противопоставления значимости категории богатства и ничтожности богатого глупца, уподобляющегося самой мелкой монете: *Кабы не деньги, так бы весь (так был бы) в пол-деньги*, т. е., поясняет автор, “только богатством славен” [2, с. 709]. Заметим, что собирательное существительное В. И. Даля близко актуальному определению денег – “капитал ... наличное, ходячая монета всякого рода, звонкая и бумажная” [2, с. 709]. Современный экономический словарь также указывает на деньги как на металлические и / или бумажные знаки, определяющие стоимость при купле-продаже [1, с. 216].

Как видно, представление о деньгах, хотя и вне рамок отдельной словарной статьи, было уже сформулировано в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля. Здесь наблюдается и обобщённое понимание о металлических / бумажных денежных знаках, о средствах товарообмена, о средствах оплаты труда, и – шире – развёртывание культурного концепта “деньги – богатство”. Хотя автором отмечается, что сам по себе богатый человек бывает глуп и ничтожен.

В Словаре “дѣньга” тесно связывается с экономическими понятиями *торг* (торговля) и *товар*, представление о которых зафиксировано в известной формуле товарно-денежного оборота “товар – деньги – товар” (К. Маркс “Капитал”). В первом случае “дѣньга” чаще управляет торговлей (*На торгу дѣньга проказлива; Денежкой торг стоит; Денежка в кармане, тѣтушка в торгу; Дѣньга торгу большак (голова, староста)*), чем подчиняется рынку (*Торг без глаз, а дѣньги слепы: за что отдаёшь, не видят*). А вот во втором случае деньги и товар, купленный за них, могут как соответствовать, так и не соответствовать друг другу (*По дѣньгам товар; По товару и дѣньги; Не по дѣньгам товар; Не по товару дѣньги*). *Ссуда денег*, “заёмные деньги” – это ещё не настоящие, не собственные деньги (*В лесу не дуги, в копнах не хлеб, в долгу (в ссуде) не дѣньги; В копнах не сено, в людях (в потрапе) не дѣньги*). Автор Словаря отмечает употребительность антонимических пар: *Дѣньги в людях (в займах) / Быть при дѣньгах (с дѣньгами); денжать (быть при дѣньгах) / денжаться (нуждаться в них); денежить / (о)безденежить* [2, с. 709–710].

С понятием денег тесно связана и *цена* – “достоинство, стоимость, плата, во что ставят вещь или труд, чего что-либо стоит, во что ценится в продаже или покупке; мера на деньги”: *Цены на хлеб поднимаются; Цена работнику 50 рублей в год* [5, с. 949]. Такое авторское понимание соответствует современному определению цены прежде всего как денежного выражения стоимости товара [1, с. 1384]. В Словаре прослеживаются тесные семантические связи ценовой, денежной политики с понятиями “товара”, “торга”, “базара”, “выгоды (барыша)”, “продавца” / “покупателя”, “нужды” / “богатства”. Сильновалентностными словами в данной лексико-семантической цепочке являются “торг”, “базар”, которые, согласно автору, управляют деньгами и ценой и даже уподобляется Богу (*Ничему сам собою цены не уставишь; На торг со своей ценой не ездят; Продавец цены с собой не возит; У купца цена, у покупателя другая; Цена хороша, а не будет барыша; Торг цену строит; Базар цену скажет; Бог цену строит*); *нужда* как проявление крайней необходимости в чём-то, в том числе в условиях нищеты, также управляет ценой (*Нужда цены не ждёт*) [5, с. 949]. “Товар” же в народных изречениях часто согласуется с “ценой”, как и с “деньгами” (*Товар этот ныне в цене, в спросе; Цена по товару, и товар по цене*) [там же].

В Словаре В. И. Даля имеется целый ряд пословиц и поговорок русского языка, указывающий на метафорический характер ценовой категории, определяющий *ценность*, важность чего-либо в жизни человека: *На заветное и цены нет; Это не цена; Этому человеку здесь цены не знают; Непродажному коню и цены нет; Кабы на коня не спотычка, так бы ему и цены не было* [5, с. 949]. К данным образным выражениям примыкают и устоявшиеся в современном языке сочетания “цена здоровья”, “цена внимания”, “цена вещи”: *Ценою здоровья не желаю купить себе славы; Я понимаю всю цену вашего вниманья ко мне; Цену вещи узнаешь, как потеряешь*

[там же]. “Ценить” в значении бранить, ругать, хулить кого-то, например, *ценить книгу* – разбирать, критиковать [5, с. 949], не находит отражения в народнопоэтических изречениях Словаря, а значит – представляет ценность прежде всего как важность, пользу, а не хулу и вред.

“Деньги” как обобщённое определение средств товарообмена и название единицы русского денежного счёта тяжело представить без самого процесса счёта, занимающего в Словаре В. И. Даля собственную нишу. *Счёт* – это “числительное показанье прихода, расхода денег или припасов” [5, с. 471]. По мнению автора Словаря, деньги не существуют без счёта, понятие “счёта” уже само по себе может указывать на определённое количество денег. Пример тому В. И. Даль находит ещё в языке летописи: *Собрав все свое... и сочтав се и обрете в них 50 тысяч* [5, с. 470–471]. Записана и загадка о денежных ценностях, которые требуют подсчёта: *Собрать не соберём, а счесть сочтём (деньги)* [5, с. 471]. Об обязательном счёте денег говорят и многочисленные пословицы, поговорки, обиходные выражения, отмеченные В. И. Далем: *Деньги счёт любят; Деньги счётом крепки; Щепки ворохом, а деньги счётом; Деньги не щепка, т.е. считай, да поберегай; Денег огулом не принимают, а считают; Деньга любит счёт, а хлеб меру; Слову – вера; хлебу – мера; деньгам – счёт; У него деньгам счёту нет; Счёт чаще – дружба слаще; Счёт дружбе не помеха; Славу кладём, будто деньги считаем, а только побрякиваем; Счёт да мера, то и вера; Счёт не обманет*; в том числе метафорические выражения – *Ты считай, а волк (вор) придёт – своё сочтёт; Свои люди, сочтёмся; Что за счёты между своими; Жить на чей счёт – на иждивении, содержании; Пиши на счёт – зачти в долг* [2, с. 710; 5, с. 471]. Несмотря на многочисленные выражения о важности денежного счёта, в Словаре имеются указания на приоритетность уже упомянутой категории цены (*Не в счёте деньги, а в цене*) [5, с. 949].

Об употребительности счётных слов говорят не только выражения народнопоэтического характера, но и многообразие дериватов разговорной речи, отмеченное В. И. Далем: *считать, сосчитать, считывать, сочесть, счесть, считанье, счисленье, счислять, счёты, счётная доска, счётные книги, считатель, считыватель, счётчик, считальщик, расчётчик, счетоводство, счетовод, счетоводец, счетоводка* [5, с. 471]. О дальнейшем семантическом развитии, об углублении давнего понятия “счёта” свидетельствует современный русский язык, особенно подязык финансов, где представлена целая палитра его значений [7, с. 1197–1208]. В качестве основных значений следует выделить: 1. товарный документ с указанной суммой денег, которые следует оплатить за определённые вещи, услуги; 2. выраженное в цифрах состояние имущества или капитала; 3. финансовая отчётность, запись затрат и прибыли; 4. результат подсчёта чего-либо, ещё – расчёт, учёт; 5. денежный вклад в банке.

Во времена В. И. Даля широко употребляются выражения *собраться с силами* (отдохнуть и приготовиться), *собраться с духом* (решиться на что-либо, осмелиться), *собраться с мыслями* (опомниться, спокойно рассудить), а также *собраться с деньгами* – скопить, добыть нужное (*Что отец соберёт, то сынишка порастрясёт; Кошельковых денег собирается много, да сбор безгласен*) [5, с. 232]. *Сбирать, собираться, сбирашничать* означает ходить по миру, побирать, нищенствовать, просить Христа ради; *сбор* в том числе означает “подати, повинности деньгами, припасами” (*подоушный, поземельный сбор; Послали сборщика на церковь – “для сбора вкладов”*) [5, с. 232–233]. Возникает и ряд дериватов-субстантивов со значением накопления денег, богатства: *сборочная казна; соберища, собироха* (кто копит, собирает) [5, с. 233].

“Деньга” и “деньги” связываются в Словаре не только с понятиями “богатства”, “цены”, “торга”, “товара”, “ссуды”, “счёта”, “сбора”, но и находятся в определённых взаимоотношениях с категориями мышления. Связь понятий “денег” и *ума* представляется противоречивой. Народные идиомы утверждают то их зависимость (*Без денег и разума нет*), то взаимоисключение (*Разума много, да денег нет; Как хошь рассуждай, а сто рублей деньги; Для чего нам ум, были б деньги да спесь!*) [2, с. 709]. Также вспомним указанное в Словаре изречение о важности

категории богатства и ничтожности богатого глупца, уподобляющегося самой мелкой монете: *Кабы не деньги, так бы весь (так был бы) в пол-деньги* [2, с. 709]. Умственные способности то уступают материальным ценностям, то соперничают с ними.

Согласно народным поверьям, о наличии или *трате денег* не следует сообщать, говорить (*Не всякому сказывай, что по деньге редька*). Деньги важнее человеческого слова. В Словаре читаем: *Деньги лучше уговора*. Т. е., поясняет В. И. Даль, “отдай наличными” [2, с. 709]. Хотя в современном русском языке актуализирован иной, гуманистический вариант этой пословицы – *Уговор дороже денег*, представляется, что выражение В. И. Даля честнее, реальнее отражает ситуацию коммерции.

Деньги сильны не только над словом и разумом, они могут выручить в беде (*При беде за деньгу не стой*), развлечь (*Это знаем, что с деньгами и попьём, и погуляем*), заменить труд (*Не пыльна, да денежна*), создать имя и репутацию человеку даже бесчестному (*У денег глаз нету; На деньгах нет знака (тамги, ногавки)*), т. е. “не узнаешь, как или кем они нажиты”, что соответствует устойчивому выражению современного русского языка *Деньги не пахнут*). Деньги вызывают любовь и симпатию (*При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил*), подыскивают друзей (*Деньги найдут друга*). Деньги величественны и всесильны (*Без денег в церковь ходить грех; Деньги – крылья; На деньгах царская печать*), но только в руках умелого и бережливого хозяина (*Без хозяина деньги черепки; Держи деньги в темноте, а девуку в тесноте*). И наоборот, в *безденежье* – безысходность (*Та не беда, что на деньги пошла, а то беда, что и их-то не нашла; Есть деньги, так в свайку; нет денег, так в схиму; Дарить было не мало, да денег не стало*). Однако деньги не властвуют над всеми людьми (*Не деньги нас, а мы их нажили; Деньги не голова: наживное дело; То не беда, что денег просят; а то беда, как и даёшь, да не берут; Деньги прах: ну их, в тартарарах!*), для простого человека питание и необходимые условия жизни не связаны с богатством (*Будь деньги за богачом, оставался бы хлеб за нами; На что мужику деньги, не давай!; Лишние деньги, лишняя забота; Много денег, много и хлопот (забот)*), истинные чувства богатству не покорны (*Изведай человека на деньгах*) [2, с. 709–710].

Заметим, что собирательное существительное “деньги” в Словаре В. И. Даля, в отличие от современного русского языка, имеет две полноправные формы – “дѣньги” и “дѣньга”, а также шуточные, гиперболизированные и часто иронизированные названия *деньжѹра*, *деньжѹна* (*У него деньжѹры много; Ему деньжѹра спать не даёт*) [2, с. 709].

О распространённости и привычности номинации “дѣньга” свидетельствует ласкательно-уменьшительное название *дѣнежка* (в том числе как название официальной монеты), отражённое и в обозначении особого вида старинного кружева, и участка крестьянской земли [2, с. 709]. Собирательное существительное также представлено уменьшительно-ласкательным *деньжѣнки*, *деньжѣночки* [там же]. Однако такие уменьшительные формы свидетельствуют не только о привычности и близости человеческому миру понятия “денег”, но и об их жёстком давлении, управлении качеством жизни, о провоцировании показного уважения и неискренней любви (*У Фомушки денежки, Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки, Фомка Фома!; Не молодца любят, денежку*), о формировании комплекса жадности, ненасытности (*Федюшке дали денежку, а он и алтына просит*), о нарушении родственных и дружеских отношений (*Брат братом, сват сватом, а денежки не сосватаны; Дружба дружбой, а денежкам счёт; Не деньги, что у баушки, а деньги, что в запазушке*), о тяжёлом и крайне необходимом процессе зарабатывания денег (*Родись, крестись, женись, умирай, за всё денежки подай; Спи, государь денежки пришлѣт!*). Богатство окружает человека корыстными друзьями (*Много друзей, коли денежки есть; Денежка найдѣт дружка*), может найти жениху невесту (*Денежки на стол, и девушку за стол*), обеспечивает заботой окружающих (*Положи две денежки на шапочку, да дядюшке челом, а дядя сам знает о чѣм*), привлекает удачу (*Денежки, что голуби: где*

обживутся, там и ведутся). “Денежка” даже соперничает с Богом, умаляет его роль, что иронически представлено в ряде народных идиом Словаря: *Денежка не Бог, а бережёт (милует); Денежка не бог, а с пол-бога есть; Святые денежки умолят; После Бога, деньги (денежки) первые; Тот прав, за кого праведные денежки молятся* [2, с. 709–710].

Оппозиция “своё / чужое” по отношению к деньгам чётко представлена в противопоставлении В. И. Далям частично персонифицированных атрибутивных номинаций *хорошие / худые деньги*. Хорошие деньги – неподдельные, вовремя оплаченные, а также верные, надёжные, в противовес худым, фальшивым деньгам (*И мои (наши) деньги не поганы; У них деньги хорошие (верно платят); У них деньги худые, фальшивые*) [2, с. 709–710]. Бинарный (с позитивом и негативом) метод построения денежных номинаций наблюдается и в глагольной паре: *деньжась, денежить, денежеть* – означает быть при деньгах / *безденежить, обезденежить* – нуждаться в деньгах [2, с. 710]. Персонификация атрибутивных денежных наименований продлевается амбивалентным понятием “денежный” [там же]. Это прилагательное указывает и на место хранения денег (сундук), и на стоимость товара, и на возможность искупления греха деньгами – позитивная характеристика, и на зажиточного человека – негативная оценка (*Денежный грех на богатого, а у бедного всё одна шкура в ответе*) [2, с. 710].

Оппозиция “мужское / женское начало” ярко проявляется в паре *денежник / денежница*. “Денежник” – это “сумка, бумажник для денег”, а также устаревшее уже к тому времени значение “денежный мастер, монетчик, чеканщик” [2, с. 710], что можно пояснить, во-первых, не частным, а уже государственным правом владения монетным двором, во-вторых, актуализацией понятий “монета”, “монетчик”. “Денежником” (копеечником) назывался во времена В. И. Даля и определённый вид растения (вспомним современное, с затухающей образностью, название комнатного растения “денежное дерево”, листья которого напоминают форму монет). “Денежница” не персонифицируется, что опосредованно указывает на незначительную роль женщины в сфере товарообмена, и означает в Словаре только одно – “кружка, жестянка или др. посудинка для хранения денег” [там же].

С понятием “денег” и “дёнги” тесно связывается определение мелкого денежного знака *полушка*, или *полдёнги*, *пул*, *пуло*, – это самая мелкая (медная) монета XIX в., составляющая некогда половину “дёнги” и почти вышедшая из обихода уже при издании Словаря. Автор указывает на историческую значимость этой монеты, зафиксированной в оценках давнего международного счёта: *Мнас драгмаков 100, а драгма ж пулов 6, пуло ж медниц 6, медница ж тонких 7 зовется лепта* [4, с. 896]. В современной для В. И. Даля эпохе наблюдается обесценивание полушки, пула: *Пуло, величеством и образом с копейку, делано из красной меди и чекан денежной, а продавали их по 10 за серебряную деньгу*. Девальвация полушки сказалась и в народных пословицах и поговорках: *Нет ни пула; У Пикула (Микула) нет ни пула; У нашего Андрюшки ни полушки; У него ни на полушку совести нет; Разменяй полушку, да купи коврижку* (иронично) [4, с. 421, 896]. В народнопоэтической речи XIX в. малая ценность полушки метафорически и порой иронически противопоставлялась ценности золота (*Кафтан золотой, а душка полушка*), рубля (*У богатого да скупого рубль плачет, а у тчива да убога полушка скачет; За морем телушка – полушка, да рубль перевоз; Чванства на 100 рублей, а животов на 3 полушки*), даже “деньга” значила нечто большее (*Шейка копейка, алтын голова, по три дёнги нога, а душка полушка*) [4, с. 421]. О былой популярности полушки говорят сохранившиеся в Словаре, но устаревающие значения: 1. полкопны; 2. мера земли, которая делится на копейки, денежки, полушки; 3. полушечная трава, или луговой чай, повитель жёлтая, а также 4. полушник – иной вид растения; 5. вариант известной оппозиции “полушечник” / “полушечница” – крохобор [4, с. 442]. В русском языке эпохи В. И. Даля ещё можно услышать название продукта питания по цене полушки (*Полушечные баранки*) и наименование вида *пошлины* (*А дани-де и оброку платят, за соляную, полушечную пошлину и за всякие доходы по пятисот по тридцати рублей на год*) [там же].

Этимологические данные, способные указать на точное происхождение слова “полушка”, за давностью времени В. И. Даль не обнаруживает и отсылает к двум возможным вариантам – “пол-уха куньего?” [4, с. 442]. Известно, что один из устаревших денежных знаков назывался *куной*, или кунницей, куньей мордкой, “когда бельи, куньи, собольи меха заменяли деньги” (*Соболь да кунница бежит да дрожит, а серая овечка лежит да пышит; Нужда куны родит*) [3, с. 355]. *Кунцу, лисицу, золотую гривну да стакан вина* просили за невесту, потому выкуп за невесту, налог с молодожёнов, а также “выводное, плата за невесту, выходящую в чужую вотчину”, назывались ещё кунное, куничное (*Отдай за кунцу красну девицу; Повар, повар батюшка, поварила матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки*, – приговаривает дружка) [там же]. “Кунщиком” величали сборщика податей, а признак “кунный” означал нечто обильное или дорогое [3, с. 356].

Названия “полушка”, “полдёнги” долгое время были популярны не только благодаря укоренившейся семантической связи со старым денежным знаком “куной”. Автор Словаря неоднократно подчёркивает огромнейшую популярность и непреходящую значимость в русском языке составных наименований, включающих корень -пол-/полу- и производных от *полá* (половина чего-либо). Такие понятия в Словаре В. И. Даля занимают большой объём (*Полуценный камень; Купил за полцены (полценок); полутон; полушарие; полуметалл; полумесяц; полчаса; полусаног; полудурье* и многое другое) [4, с. 413–423; 442–443].

Словарю В. И. Даля уже известно разделение денег на монеты и бумажные деньги, хотя современное понимание денег как металлических и бумажных знаков ещё не сформулировано. *Монета* – это “звонкий денежный знак, дёньга, ходячая (или ходившая) чеканенная ценность... и всякий денежный знак” [3, с. 570]. “Монета” же в современном русском языке – металлический денежный знак, названный по имени древнеримской богини Юноны, в храме которой находился монетный двор [1, с. 599]. Подобно “дёнге”, “монета” в Словаре функционирует и в прямом обозначении иерархизированной ценности, и приобретает абстрактно-собирательное значение денег как таковых, как “всякий денежный знак” (*Это плата тою же монетой; У меня монеты нет и сметы, а сяду есть, и хлеб-то в честь*) [3, с. 570]. Так и “монетный” относится не только к монете, но и в целом к деньгам, например, “монетный двор”, “монетная система” [там же]. Уменьшительно-ласкательное *монетка*, в отличие от “денежки”, приобретает иное значение – *копейка* (наименование иной денежной единицы). В диалектах встречается “монет” м. р. – серебряный рубль, *целковый, карбованец*. Как видно, во времена В. И. Даля чётких, самостоятельных, закреплённых за отдельными денежными знаками номинаций “дёнга” и “монета” ещё не существовало, а имеющиеся названия путались и часто не разделялись.

Интересно, что в языке XIX в. устаревшее понятие “денежник” (чеканщик монет, мастер на монетном дворе) сменяется “монетчиком, монетоделателем” и в таком фонетическом оформлении закрепляется в русском языке, в том числе для обозначения *фальшивомонетчика* – согласно справедливому мнению В. И. Даля, “того, кто подделывает деньги”. За чеканкой монет ненадолго закрепляются сложные и труднопроизносимые слова “монетчиий”, “монетоделание” [3, с. 571].

На юге России, как замечает автор Словаря, *монисто* как пронизи, бусы из монет (ещё – “ожерелок”, “гривенка”, “борок”) переделывается в фонетически близкое украинское слово “намисто”. Подчеркнём, что в русских диалектах “мо(а)ниста” отсылает к той же части тела, которую женщины издавна любили украшать, – шее, и означает косынку на шею (*У неё монисты жемчужные*) [3, с. 571]. Подобно пронизям бус, русс. “манистка” – ещё и связка, низка чего-либо, например ключей [там же].

В отличие от “дёнги” и “монеты”, *бумага* в Словаре В. И. Даля прямо не указывает на материал для денег. Но, кроме общего значения “писчей бумаги, всякого рода делового письма” и прочих значений, понятие “бумага” здесь имеет определение “ассигнация, бумажный

денежный знак” [2, с. 245]. Вспомним, что в современной экономической теории деньги рассматриваются как металлические и / или бумажные знаки, определяющие стоимость при купле-продаже [1, с. 216]. А собственно бумага, кроме материала для письма и печати, имеет значение документа, рукописи и делового сообщения [1, с. 115]. В связи с этим “бумага” логически сочетается в Словаре с “дёнгой” как монетой и “золотом” как драгоценным металлом. При этом бумажный денежный знак вербализирован уменьшительно-ласкательными и уменьшительно-унизительными названиями “бумажка”, “бумажечка”, “бумажонка”, “бумажоночка”, что зафиксировано В. И. Далем в народных идиомах: *Мне бы денежек с рубль, да бумажек с пуд, да золотца что-нибудь; Были бы бумажки, будут и милашки* [1, с. 115; 2, с. 245]. При этом автор Словаря справедливо отмечает, что бумажные деньги ценятся выше монет: *Не крестьянская дёнга бумажка*. Однако имеются и отличия в употреблении понятий, связанных с бумажными деньгами, эпохи XIX и н. XXI вв. Так, “бумажник” в языке В. И. Даля ещё не относится к вместилищу денег, а означает “тюфячок ... стёганку для подстилки” [там же].

Отметим и следующее важное отличие. В современном русском языке, в отличие от языка Словаря В. И. Даля, “ассигнация” и “бумажный денежный знак (купюра)” – вовсе не тождественные понятия. Напротив, *ассигнация* в Словаре производна от глагола “ассигновать” в значении “назначать, определять, разрешать к отпуску и приёму деньги, вещи” [2, с. 43]. Отсюда субстантивы – *ассигнование, ассигновка, ассигновищик, ассигнация*. Последнее означает “бумажный, денежный знак, взамен и для размена на звонкую монету ... кредитный билет”, который, как замечает автор, “упал в цене ... против звонкой монеты” [там же]. Известно, что к середине XIX в. ассигнации в первичном, дореволюционном, значении этого слова не просто упали в цене, но и были полностью аннулированы. Тем ценнее информация Словаря об исчезнувших и преобразившихся денежных номинациях русского языка.

Таким образом, анализ языкового материала народнопоэтических средств русского фольклора, отмеченного В. И. Далем в “Толковом словаре живого великорусского языка”, показал, что старинная монета “дёнга” (XIV-XVII вв.) в силу своей популярности послужила источником собирательного названия платёжных средств русского языка – “денег” (ещё – *деньжура, деньжина, денежка, денежки, деньжонки, деньжоночки*, а также монеты). Под “деньгами” автор Словаря подразумевает металлические / бумажные денежные знаки, ассигнации и кредитные билеты, вообще средства товарообмена и – шире – рассматривает культурные концепты “деньги – капитал”, “деньги – украшения”, “деньги – вещи”, “деньги – земля”, “деньги – деловодство”, “деньги – взаимоотношения людей”.

Материалы Словаря свидетельствуют о девальвации самой мелкой общеславянской монеты – “полушки” (“полдёнги”), об исчезновении старых монет Руси (“кун”), о возникновении синонимии – “монетки” и “копейки” (двух денег), “монеты” (м. р.) и “серебряного рубля” (то есть *целкового, карбованца*). Отмечается повышение стоимости рубля, ценности золота как такового. Устаревшие и устаревающие номинации денежного счёта прочно сохраняются в народных пословицах и поговорках, в присказках обрядово-ритуального (например, свадебного) действия, в терминосфере налогообложения и рыночной экономики.

Благодаря языку народной поэзии можно описать ряд устойчивых (чаще – негативных) свойств денег: накопительство и сила влияния, порой разрушающего; управление качеством жизни; приучение людей к тяжелой работе; окружение корыстными друзьями; соперничество с Богом. Антонимичность словарной пары “хорошие / худые деньги” заключается не в позитиве / негативе с точки зрения гуманистической оценки, а в том, что деньги бывают либо не долговые, вовремя оплаченные (“хорошие”), либо заёмные, фальшивые (“худые”).

Материал Словаря В. И. Даля представляет денежные номинации в тесной связи с рядом экономических и философских понятий. Так, деньги не существуют без счёта и сбора (накопления), они управляют торговлей, а рынок (базар) управляет ценой. Цена – это

денежное выражение стоимости товара, в то время как ценность – это важность чего-либо в жизни человека. Умственные способности могут то уступать ценности денег, то соперничать с ней. Но деньги всегда важнее слов, тратить деньги следует без огласки. В руках умелого и бережливого хозяина (скорее мужчины, чем женщины) деньги могущественны, однако они не властвуют над людьми малоимущими и удовлетворёнными жизнью. Истинные чувства деньгам не покорны.

Литература

1. Большой экономический словарь / [под ред. А. Н. Азрилияна]. – [7-е изд., доп.]. – М. : Институт новой экономики, 2007. – 1472 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 1. А – З / В. И. Даль. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2003. – XXVI, 1158 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 2. И – О / В. И. Даль. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2003. – 1280 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 3. П / В. И. Даль. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2003. – 921, [7] с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 4. Р – Я / В. И. Даль. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2003. – 1144, [8] с.
6. Напутное слово (Читано в Обществе любителей русской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 1. А – З / В. И. Даль. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2003. – XXVI, 1158 с. – С. VIII–XXV.
7. От издательства // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 1. А – З / В. И. Даль. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2003. – XXVI, 1158 с. – С. V–VII.
8. Охрименко Т. В. Язык русской денежной культуры в Словаре В. И. Даля // В. И. Даль в мировой культуре: сб. научных работ. – Часть четвёртая. – Луганск–Москва : изд-во ВНУ им. В. Даля, 2014. – 328 с. – С. 159–167.
9. Шиппер М. А., Аглеева З. Р. Экономические термины с компонентом *пошлина* в Словаре В. И. Даля // В. И. Даль в мировой культуре: сб. научных работ. – Часть четвёртая. – Луганск–Москва : изд-во ВНУ им. В. Даля, 2014. – 328 с. – С. 196–204.